О ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ В АРМЯНСКИХ КОЛОНИЯХ (XV—XVII вв.)

АЛЕКСАНДР КАКОВКИН (Ленинград)

В силу неблагоприятных политических и экономических условий, в которых на протяжении ряда веков находилась Армения, ее народ вынужден был искать приюта в различных уголках света. Колонии армянских переселенцев можно встретить в Азии, Европе, Африке и Америке[1]. Крупных волн эмиграции в средние века было несколько: после опустошительного нашествия сельджуков (вторая половина XI в.), в результате разгрома Армении полчищами монголов (середина XIII в.), вследствие падения Киликийской Армении под ударами египетских мамлюков (конец XIV в.), в итоге разорительных войн, которые Оттоманская империя и Сефевидский Иран вели на территории Армении в течение XVI в., наконец, в начале XVII в. в результате насильственного переселения тысяч армян (так называемый «великий сургун») в Иран по указу шаха Аббаса I. Основные направления эмиграции шли по проторенным армянскими купцами дорогам в верховья Волги (примечательно, что в XVI—XVIII вв. этот путь назывался «армянской дорогой»), в Крым, на Балканы, в страны Западной Европы, на Ближний Восток, в Среднюю Азию и далее.

На новых местах армяне быстро обживались, сохраняя на протяжении многих лет свой бытовой уклад, обычаи, веру, порою, внутреннее самоуправление. Они повсюду быстро завоевывали ведущее положение в торговле и ремесленном производстве. Относительно ювелирного искусства заметим, что расцвет его в колониях армянских переселенцев падает на XVI—XVIII столетия (Львов, Стамбул, Кесария, Астрахань и др.)*. К этому же времени относится и неисчерпаемый вещевой материал, изучение которого по существу только начинается.

Значение исследований этого материала трудно переоценить: именно в колониях в это время были созданы лучшие произведения армянских мастеров золотого и серебряного дела, эти памятники являются неотъемлемой частью истории армянского искусства и культуры.

---

[1] Литература, посвященная колониям армянских переселенцев, поистине неисчерпаема. Укажем лишь капитальное исследование Аршака Алпояджяна *«Պատմության հայ գաղթականության» (Գահիրե, հ. Ա, 1941; հ. Բ, 1955; հ. Գ, 1961)*, в котором приведена довольно полная библиография вопроса.

* В статье описываются состояние и уровень развития ювелирного искусства в армянских колониях Каффы, Львова, Стамбула, Новой Джульфы, Кесарии в указанных веках.

XIV—XV столетия—время расцвета одной из самых значительных колоний армянских переселенцев—Крымской[2]. В эту пору в жизни ряда городов юго-восточной части Крымского полуострова: в Кафе (Феодосии), Сурхате (Старом Крыму), Карасубазаре (Белогорске) и др.—многочисленные переселенцы-армяне играли важную роль. Недаром иностранцы того времени именовали Крым «Armenia maritima» («Приморской Арменией»). На протяжении десятков лет армяне занимали здесь главенствующее положение. Зарекомендовали они себя как хорошие строители, виртуозные резчики по камню, искусные художники. Широкое развитие у крымских армян получило и ювелирное дело. Об этом имеется ряд свидетельств. Памятные записи рукописей, например, донесли до нас имена нескольких золотых и серебряных дел мастеров. Под 1347 г. известны работавшие в Сурхате: Барели, Мелкисет, Нерсес, Урумбек[3]. Из тех же источников узнаем, что в Крыму в 1433 г. некий Аствацатур, сын Амир-Саркиса, купил евангелие и дал украсить его серебряным окладом[4].

По ряду причин с Крымом довольно уверенно можно связать происхождение серебряного золоченного переплета рукописи Матенадарана № 7691[5]. На верхней стороне оклада вычеканено «Распятие», на нижней—«Деисус». Иконография изображений, стилистические особенности и характер выполнения памятника позволяют предположить, что выполнен он был, скорее всего, на рубеже XIV—XV вв., вероятно, в Кафе.

Есть основания предполагать, что сребродeлие не затухало в армянской среде в Крыму и позднее. Килнкийская рукопись 1249 г. в серебряном переплете 1255 г. (Матенадаран, № 7690) попала в Кафу. Здесь в 1621 г. кодекс отреставрировали и переплели, использовав старые серебряные пластины. Причем тогда же искусно «подновили» часть надписи, занимавшую левую сторону лицевой стороны[6].

---

2 О крымской колонии армянских переселенцев см.: Վ. Ա. Մելքայելյան, Ղրիմի հայկական գաղութի պատմությունը, Երևան, 1964։

3 Լ. Ս. Խաչիկյան, ԺԷ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, Երևան, 1950, էջ 361, 364; Ն. Պողարյան, Մայր ցուցակ ձեռագրաց արրոց Հակորյանց, հ. 3, Երուսաղեմ, 1967, էջ 34։

4 Լ. Ս. Խաչիկյան, ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, Երևան, 1955, стр. 796.

5 А. Я. Каковкин, Образец армянского художественного серебра XV века («Բանբեր Մատենադարանի», № 10, Երևան, 1971, стр. 161—169).

6 Однако через несколько десятков лет в силу неблагоприятных условий ювелирное искусство армян Крыма стало хиреть. Свидетельством этого может служить тот факт, что в конце прошлого века в монастыре св. Креста хранилась единственная серебряная вещь—кадило в форме семикупольного храма, без крестов, «вероятно, потому, что мастер, работавший эту принадлежность христианской церковной утвари, был мусульманин, ибо его звали «Сулейман», как это изображено мусульманскими буквами на самом кадиле... Кроме того, на кадиле имеется еще вокруг нижней чашки его надпись, в которой есть дата 1140—1691 г.» (В. Смирнов, Археологическая экспедиция в Крым летом 1886 года—«Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», т. I (1886), СПб., 1887, стр. 286).

Знакомство с крымским памятником армянского сребродeлия позволяет составить некоторое представление об этой отрасли армянского прикладного искусства в Крыму. Серебряное дело у крымских армян было тесно связано с миниатюрой. Как и последняя, оно не изображало эклектизма, сказавшегося в заимствовании отдельных мотивов из разных источников. Но вместе с тем его мастера оставались верны национальным традициям в подборе изображений, в принципах оформления памятников, в приверженности к излюбленным техническим приемам и т. д.

С Крымом теснейшим образом были связаны колонии армянских переселенцев на Подолии, в Галиции, на Волыни[7]. Важнейшие из них были во Львове, Каменец-Подольске, Могилеве, Язловце, Станиславе и др. Мощный поток эмигрировавших сюда армян усилился после подчинения Крыма Турции (1457 г.).

Существует точка зрения, что во Львове армяне обосновались в XIII в.[8]. Здесь они были главными посредниками в торговле между Западом и Востоком; занимали армяне ведущее положение и в ремесленном производстве. Среди них были искусные живописцы, оружейники, златошвеи[9]. Особенно же они прославились как ювелиры. В литературе неоднократно подчеркивалась громадная роль, которую играли армянские мастера в развитии ювелирного искусства Львова[10]. В XV в., например, из восемнадцати ювелиров города шестеро было армян (Хачатур, Черкас, Кутлубей, Ованес, Немой Ованес, Донат)[11]. Несмотря на ряд жестких ограничений, связанных с национальной и религиозной принадлежностью, в конце XVII в. число их возросло до тридцати[12]. До середины XVI в. армян не принимали в цех золотых и

---

[7] Историография колоний армянских переселенцев на Украине с исчерпывающей полнотою рассмотрена в книге Я. Р. Дашкевича, Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV—XIX веков (историографический очерк), Ереван, 1962.

[8] И. П. Крипякевич, К вопросу о начале армянской колонии во Львове («Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сборник материалов» (далее—ИСД), Киев, 1965, стр. 123).

[9] Я. П. Кись, Участие армян в развитии ремесла г. Львова в XV—XVII вв., ИСД, Киев, 1965, стр. 137—139; Н. К. Кривонос, К истории армянской колонии во Львове во второй половине XVII в., ИСД, вып. III, Ереван, 1971, стр. 242—245; Симеон Лехаци, Путевые заметки, пер. с арм., предисловие и комментарий М. О. Дарбинян, М., 1965, стр. 248; „Wistawa zabytków ormiańskich we Lwowie", Lwów, 1933.

В одном архивном документе от 1695 г. говорится, что во Львове «нет такого ремесла, которым бы не занимались армяне» (Н. К. Кривонос, указ. соч., стр. 245).

[10] Основные работы, в которых освещается роль армянских мастеров в ювелирном искусстве Львова: F. Bostel, Przyczynki do dziejow złotnictwa lwowskiego w XVI i XVII w. („Spzawozdania Komisji do Badania Historii sztuki w Polsce", t. V, z. 1. Kraków, 1896, s. 15—22); W. Loziński, Złotnictwo lwowskie (Biblioteka Lwowska. XV—XVII), Lwow, 1911—1912.

[11] W. Loziński, указ. соч., стр. 122.

[12] Там же.

серебряных дел мастеров (членами его могли быть только католики). Особым королевским указом 1654 г. было предписано принять в цех четырех мастеров армян с условием, что ни один из них не мог бы стать цехмейстером. Это предписание вскоре было нарушено: армяне неоднократно избирались в старшины цеха (1658 г., 1678 г., 1685 г. и др.). Документы той эпохи донесли до нас имена многих мастеров армян: Сефер, Петрос Мартиносович, Норсес Мойзесович, Петрос Закаранович, Киркор Каменецкий, Киркор Латинович, Петр Чечетович и мн. др.[13].

Приведем несколько свидетельств, прямо или косвенно указывающих на широкое распространение ювелирного дела во Львове в среде армян.

В 1594 г. житель Львова Давид Серебкович привез в Яссы для продажи большое количество «сукна, жемчуга, серебряных кубков и других товаров»[14].

У Симеона Лехаци встречаем следующие строки: «Церкви [Львова] очень богаты, [имеют] разнообразные и дорогие облачения, потиры, кресты, кадила, распятия и несчетное множество другой золотой и серебряной утвари, ибо в каждый праздничный день достают другие облачения и другие кресты, потиры, кадила, распятия..., а так же рипиды, кимвалы и ладанницы...»[15].

Весной 1626 г. армяне Львова, готовясь к встрече католикоса Мелхиседека, собрали необыкновенно богатую и великолепную церковную утварь, «лучшую во всей Польше», как отмечали советники магистрата[16].

К 50-ым годам XVII в. относится известие о том, что «сеньор армянской львовской нации» Доменик Яшкевич подарил львовскому кафедральному собору серебряный позолоченный, украшенный камнями потир[17].

В начале 50-х годов с чашей—подарком львовской общины католикосу Филиппу—уехал из города писарь Кжиштоф[18].

Имеются сведения о закрытии в 1673 г. городскими властями ювелирной лавки в Бернатовическом доме и аресте ювелира[19]. В 1675 г. после смерти Я. Юхновичевой община получила серебряный крест и

---

[13] П. Жолтовський, Художнiй метал. Історичний нарис, Київ, 1972, стр. 80—81.

[14] Е. М. Подградская, Об армянских поселениях в Молдавии и их роли в развитии торговых связей страны с западноукраинскими землями (XVI—XVII вв.), ИСД, вып. III, стр. 218.

[15] Симеон Лехаци, указ. соч., стр. 244, 245.

[16] Г. П. Пингирян, «История» Аракела Даврижеци и ее источники об антиуниатском движении в армянских колониях на Украине в 20—50-х гг. XVII в., ИСД, вып. III, стр. 361.

[17] Я. П. Кись, указ. соч., стр. 138.

[18] Я. Р. Дашкевич, Армянское самоуправление во Львове в 60—80-х гг. XVII в. (Протоколы армянского совета старейшин как исторический источник) (*«Բանբեր Մատենադարանի», № 9, Երևան, 1969*, стр. 237).

[19] Я. Р. Дашкевич, указ. соч., стр. 232.

платок на церковную чашу[20]. По завещанию К. Тлумачевой община получила для городской церкви финифтевую цепь, две ризы из дорогой ткани и пр.[21].

В общественной сокровищнице львовских армян хранились поступавшие по легатам золотые и серебряные вещи. В 1675 г. в ней находилось десять серебряных чаш, 1679 г., в связи с повышением цен на серебро, старейшины продали серебряные вещи из сокровищницы, а через два года была продана поломанная золотая чаша[22].

Приведенные данные указывают на интенсивную художественную жизнь в среде армянских ювелиров Львова. Однако на сегодняшний день насчитываются единичные экземпляры художественных изделий армянских мастеров, работавших во Львове. Основные причины этого явления следующие: в 1620-х гг. львовские армянские церкви были ограблены сторонниками Николы Торосовича, стремившегося к заключению унии. При этом пропало много ценных предметов из храмовых сокровищниц[23]; почти вся церковная утварь, привезенная с родины и изготовленная на первых порах пребывания во Львове, была уничтожена при принятии большей частью армянского населения города унии (1667 г.) — из-за ненадобности церковных предметов при отправлении культа по католическому обряду; большая часть художественных памятников из благородных металлов пошла на нужды львовского монетного двора; огромное количество вещей было выдано в качестве откупа города шведскому королю Карлу XII в 1704 г.

И все же представление о художественных изделиях армянских мастеров золотого и серебряного дела Львова можно составить довольно ясное. К ранним памятникам армянской работы относится серебряный потир 1517 г., хранившийся в коллекции Т. Зелиньского в Кельцах[24]. Особую группу изделий армянских мастеров Львова составляют ковши. Армяне заимствовали эту исконно русскую форму посуды, появившуюся, вероятно, в XIV в. в Новгороде[25]. В настоящее время известно три таких памятника (хранятся в Эрмитаже): два из них—1549 г.—

---

[20] Там же, стр. 224.

[21] Там же.

[22] Там же, стр. 226, 227.

[23] Г. П. Пингирян, указ. соч., стр. 360, 364.

[24] Katalog wystawy starożytności i przedmiotów sztuki 1856 urządzonéj w Pałacu Jw. hr. Augustostwa Potockich, Warszawa, 1856, s. 158, № 549; „Tygodnik Illustrowany", t. I, № 34, Warszawa, 1860, s. 301.

[25] М. М. Постникова-Лосева, Русские серебряные и золотые ковши («Труды Государственного исторического музея», вып. X. М., 1953, стр. 10).

[26] И. Орбели, Два серебряных ковша XVI века с армянской и греческой надписями («Христианский Восток», т. V, вып. 1, Петроград, 1916, стр. 1—13).

[27] А. Я. Каковкин, Армянский серебряный ковш XVI века (*ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր», 1977, № 3*, стр. 76—81.

[28] А. Я. Каковкин, К вопросу о византийском влиянии на армянские памятники художественного серебра (*«Պատմա-բանասիրական Հանդես», 1973, № 1*, стр. 57, рис. 10).

[29] „Wistawa zabitków...", s. 20—21.

с армянской. 1586 г.—с греческой надписью—были опубликованы Н. А. Орбели[26]. третий, с армянской надписью, не имеет даты, однако несомненная близость первым двум ковшам позволяет отнести его к изделиям львовских ювелиров-армян второй половины XVI в.[27] Вероятно, из Львова происходит и кованная серебряная чаша (XVI в.) с изображением Григора Лусаворича в мишени (Москва, Гос. исторический музей)[28]. До второй мировой войны в армянском кафедральном соборе во Львове хранилась большая икона Григора Лусаворича в серебряном окладе, выполненном в 1670 г. (массивная посеребренная рама этой иконы относится к 1755 г.)[29].

Много художественных предметов из серебра фигурировало на выставке армянских памятников, организованной во Львове в июне-октябре 1932 г.[30] В большинстве своем они происходили из сокровищницы Армянского кафедрального собора во Львове, армянских костелов в Станиславе (ныне—Ивано-Франковск) и Тышменицах. Часть вещей была представлена из львовского Исторического музея и нескольких частных собраний. В основном это были реликварии, сосуды, оклады икон. Ранние памятники относились к XVI в., большинство—к XVII—XVIII вв. В некоторых изделиях были живы еще элементы готики, в орнаментике большинства произведений преобладали барочные мотивы; встречались памятники, украшенные эмалями. Изделий, выполненных в армянском национальном стиле, было очень немного, но зато почти все вещи были, в полном согласии со старой армянской традицией, снабжены армянскими надписями, в которых сообщались имена заказчиков и даты выполнения памятников.

Помимо Львова на Украине были и другие центры армянских переселенцев. Крупнейшие из них—Каменец-Подольский, Могилев, Ярослав.

12 августа 1427 г. при ревизии имущества Никольского собора—главного армянского храма в Каменец-Подольске—оказалось двадцать четыре архиерейских и священнических ризы, двенадцать больших и семь малых крестов, шесть чаш и пр.[31]. В том же соборе в начале нашего столетия хранилась серебряная чаша для святых даров[32] и несколько икон в серебряных окладах XVII в. с дарственными надписями: чудотворная икона Одигитрии[33], архидиакона Стефана (1653 г.)[34], Архангела Михаила (1660 г.)[35].

---

[30] R. Mękicki, Srebra, bron i wyroby metalowe („Wystawa zabytkow...", s. 7—15).

[31] Хр. Кучук-Иоаннесов, Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму («Древности восточные», «Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества», т. II, вып. 3, М., 1903, стр. 44).

[32] Там же, стр. 37.

[33] Там же, стр. 41.

[34] Там же, рис. 2; Գ. Ալիշան, Կամենից։ Տարեգիրք Հայոց Լեհաստանի և Ռումանիոյ, Վենետիկ, 1896. Г. Алишан несколько иначе читал вкладную надпись и считал, что на иконе изображен архангел Михаил.

[35] Хр. Кучук-Иоаннесов, указ. соч., стр. 41.

В ризнице армянского костела в Могилеве в начале XX в. хранился серебряный подсвечник с полустершейся армянской надписью: «Подсвечник в память...»[36].

Симеон Лехаци, описывая пожар 1627 г. в Ярославе, отмечает, что купцы и золотых дел мастера города понесли большие убытки[37].

Вкладом армянских мастеров, живших во Львове, Каменец-Подольске, Могилеве и других городах, следует считать разнообразие орнаментики и доведенную до виртуозности технику выполнения вещей. По справедливому замечанию В. Лозинского, история ювелирного искусства этого края «началась преобладанием армянских мастеров, так и закончилась им»[38].

Связи армян с Константинополем—крупнейшим торгово-ремесленным центром на Востоке—существовали издавна. В литературе более полувека назад отмечался вклад армянских ремесленников, в частности ювелиров, в искусство Византии IX—XI вв. и позднее[39]. Немногое изменилось и после захвата города в 1453 г. Мухамедом II и превращением его в столицу Турецкого государства. В Стамбуле сохранялась большая армянская колония. Армяне продолжали занимать видное положение в ремесленном производстве города. По-прежнему большую роль они играли в ювелирном деле: в XV в. они работали здесь наряду с греками и турками[40]. В 1473 г. султан Махмед Фатих насильственно переселил в столицу армянских ремесленников (в том числе и ювелиров) из Эрзрума, Ерзнка, Баберда, Себастии, Диарбекира и других мест. Подобные переселения имели место и в последующие времена: в 1479 г., 1514 г., 1534 г.[41] В середине XVI в. большой известностью в Стамбуле пользовались армяне-ювелиры: Баба Зерон Казазьян и Каспар—выходцы из Вана, переселенные Сулейманом Кануни в столицу в 1534 г.[42].

По мнению Арменака Сагызяна, специально занимавшегося вопросами вклада армян в развитие ювелирного дела Стамбула, с XVI в. армянские мастера золотого и серебряного дела выдвигаются на первое место не только среди ювелиров Стамбула, но и Трапезунда[43].

---

36 Там же, стр. 34.

37 Симеон Лехаци, указ. соч., стр. 269—270.

38 W. Lozinski, указ. соч., стр. 122, 141.

39 А. П. Рудаков, Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии, М., 1917, стр. 65, 151; Ср. A. Grabar, Le succès des arts orientaux à la cour byzantine sous les Macédoniens („Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst", Bd. II, Folge 3, München, 1951, S. 42). Наличие черт армянской культуры в центре владений Морейского деспота — Мистре — предполагала А. В. Банк, Восточный сосуд с греческой надписью («Византийский временник», т. V, 1952, стр. 195).

40 „Folia Archaeologica", XVII, Budapest, 1965, p. 212; Հ. Հայրապետյան, Հին հայ արծաթագործության վրա («Գեղունիք», Վենետիկ, 1950, էջ 77);

41 Արշակ Ալպոյաճյան, Պատմություն հայ Կեսարիոյ, հ. Ա, Գահիրե, 1937, էջ 547; М. К. Зулалян, Армения в первой половине XVI в., М., 1971, стр. 54.

42 Там же.

43 Ա. Սագրզյան, Կ. Պոլսո հայ ոսկերչությունը ԺԸ—ԺԹ դար («Անահիտ», Փարիզ, 1930, № 6, էջ 39);

Побывавший в Стамбуле фон Берлах в своем «Турецком дневнике» (1576 г.) отмечал, что в городе много армян ювелиров[44]. Путешественник Эвлия Челеби (XVII в.), происходивший из среды ювелиров, называет в числе известных золотых и серебряных дел мастеров Стамбула двух армян—Хачатура Унгапанчи и Айтына[45].

К сожалению, ранних памятников ювелиров-армян Стамбула почти не сохранилось. А. Сагызян упоминает лишь ладанницу, предположительно датируемую концом XV—началом XVI вв.[46] XVI-ым столетием датируются три серебряных переплета рукописей из собрания Армянского патриаршества в Иерусалиме[47]. Примечательно, что изделия светского обихода армянских ювелиров—восточные по облику, в окладах же сохранены старые национальные традиции: выявление декоративных и пластических свойств металла, использование надписей в качестве декоративных элементов, преобладание чеканки, отказ от применения драгоценных камней и т. п.

Расцвет ювелирного искусства в Стамбуле приходится на XVIII—первую половину XIX вв., своим подъемом оно во многом обязано армянским мастерам[48].

В начале XVII в. шах Ирана Аббас I разрушил Старую Джульфу на Араксе и переселил ее жителей в южное предместье Исфагана; так возникла Новая Джульфа. Она играла большую роль в экономической, общественно-политической, культурной жизни Сефевидского Ирана,

---

44 Հ. Քյուրշյան, указ. соч., стр. 76.

45 В. С. Гарбузова, Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII в. («Гос. Эрмитаж. Труды отдела Востока», т. III. Л., 1940, стр. 321); Հ. Քյուրշյան, указ. соч., стр. 76.

46 Ա. Ուշքրքյան, указ. соч., стр. 40.

47 „Catalogue of twenty-three important Armenian illuminated Manuscripts", Sotheby and Co. Day of Sale: Thesday, 14th March 1967, № 11, p. 30, 31, fig. 11, № 15, p 39, 40; p. 45.

48 Это убедительно показано в работе Арменака Сагызяна—Arménag Sakisian, L'orfèvrerie arménienne à l'influence occidentale de Constantinopole aux XVIIIe et XIXe siècles („La Renaissance d l'art Français et des industries de luxe", Mars, 1924), перепечатана в книге „Pages d'art arménien", Paris, 1940, p. 87—95, расширенный вариант которой был напечатан на арм. языке в № 5 и № 6 журнала «Անահիտ» за 1930 г. (см. прим. 43); и в статье K. M. Mc Clinton, Influences on Turkish Silver designs („The Connoisseur", March 1973, vol. 182, № 733, p. 201—207).

Коллекцией изделий стамбульских ювелиров армян обладала А. Сагызян, часть ее была выставлена в Музее декоративных искусств в Париже в декабре 1926—марте 1927 гг. См. появившиеся в связи с этой выставкой заметки: „L'orfèvrerie arménienne de Constantinople" („Le Figaro artistique", № 150, Quatrième Anné, 14 Avril 1927, p. 424); P. Fiereus, L'orfèvrerie arménienne de Constantinopole aus XVIIIe et XIXe siècles („Journale des Débats", numéro du 8 fevrier, 1 27).

Ряд памятников ювелирного искусства, исполненных армянами в Стамбуле в XVIII—XIX вв., был представлен на выставке в Париже в октябре 1970—январе 1971 г.: „L'art arménien de l'Ourartou à nos jours". Catalogue. Musée des arts décoratifs. Octobre 1970—Janvier 1971, Paris, 1971, H. C. III, H. C. VIII. В музее при кафедральном соборе в Эчмиадзине хранится несколько рукописей, переплеты которых были выполнены стамбульскими армянами (1710 г., 1769 г., 1796 г. и др.).

вдохнув жизнь в дряхлеющую экономику страны, способствуя расцвету торговли, подъему искусства и культуры.

В Новой Джульфе процветали зодчество, монументальная и миниатюрная живопись, производство изразцов, искусство резьбы по камню, художественное шитье[49]. У нас есть основания предполагать, что не отставало от них и ювелирное искусство—достаточно вспомнить какого высокого уровня оно достигло в Старой Джульфе[50]. И тем не менее, сведения о ювелирном деле армян Исфагана и Новой Джульфы скудны. Арутюн Кюрдян, специально занимавшийся этим вопросом, ссылается на документ 1585 г., в котором упомянут ювелир Симон—ему причиталась некоторая сумма за сделанный кинжал[51]. А. Кюрдян полагал, что из Новой Джульфы происходит серебряный бокал первой половины XVII в. (хранился в коллекции А. Кюрдяна, г. Уичито, штат Канзас, США)[52]. По предположению Л. Б. Чугасзяна, в Новой Джульфе в XVII в. был создан и серебряный переплет рукописи Матенадарана № 5576 (примечательно, что этот памятник является первым армянским произведением, автор которого вдохновился творчеством великого фламандского живописца П. П. Рубенса). Вероятно, в Новой Джульфе был выполнен потир (XVII в.) с гравированными армянскими надписями, хранящийся в городском музее[53].

В Новой Джульфе искусство золотых и серебряных дел мастеров не затухало и в последующее время[54].

---

[49] John Carswell, New Julfa. The Armenian Churches and other Buildings, Oxford, 1968; A. Welch, Shah Abbas and The Arts of Isfahan. Asis House, 1973.

[50] О высокой степени развития в городе ювелирного дела красноречиво свидетельствует такой факт: зимой 1604 г. шах Аббас I прибыл в город, «жители оказали ему блестящий прием и, между прочим, поднесли ему на золотом блюде, вместе с хлебом-солью, кисть винограда. Виноград этот имел такой свежий вид, что шах возымел желание отведать его, но оказалось, что он был сделан из золота, да так искусно, что отличить его на вид от натурального было трудно» (А. Аракелян, Древняя Джульфа, «Известия Кавказского отделения Имп. Московского археологического общества», вып. II. Тифлис, 1907, стр. 58—59). Другие источники дополняют эти сведения. Аракел Даврижеци, повествуя о встрече Аббаса I с населением Джульфы, отмечает, что среди горожан были люди с украшенным золотом оружием, юноши разносили вино в золотых кубках. Ходжа Хачик, в чьем доме остановился шах, преподнес высокому гостю золотой поднос (сини). Купец ходжа Погос, сын ходжи Петроса Велиджаняна, в своем завещании (1646 г.), перечисляя движимое имущество, упоминает вещи из золота и серебра, драгоценные книги, фарфор (С. В. Тер-Аветисян, Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов XV—XVII вв., Тбилиси, 1937, стр. 45, 66, 67).

[51] Հ. Քուրտյան, указ. соч., стр. 77.

[52] Там же.

[53] J. Carswell, указ. соч., стр. 69, рис. 90а.

[54] Любопытные сведения оставил английский профессор прошлого века Уилс (C. J. Wills). Он отмечал, что джульфинцы искусные ювелиры и что золотых дел мастера из Исфагана всегда привозили любую сложную по технике выполнения работу для окончательного завершения армянину по имени Седрак (Setrak), жившему в Новой Джульфе (C. J. Wills, In the land of the Lion and Sun or Modern Persia, being experiences of Life in Persia from 1866 to 1881, London, 1891, p. 162).

Уилс же указывал, что в Новой Джульфе процветало производство тканей, кера-

Своеобразным центром производства художественных изделий из серебра была во второй половине XVII в. Кесария Каппадокийская. По свидетельству Симеона Лехаци, в начале XVII в. в городе «было пятьсот домов армян, а может быть и более, среди них богатые купцы и именитые богачи-ходжи, однако бедных больше; все они портные и кафтанчики, других ремесел нет»[55]. Последнее замечание Симеона Лехаци тем более любопытно, что через несколько десятков лет Кесария будет переживать расцвет ювелирного производства. Такой неожиданный подъем связан с переселением сюда из Персии большой группы армян, в числе которых были золотых и серебряных дел мастера. Пополнялись ряды местных ювелиров и за счет переселенцев из Армении и Турции[56]. Продукция ювелиров Кесарии была разнообразна: они изготовляли реликварии, дароносицы, кресты, посуду, украшения, но славу им принесли переплеты рукописей[57]. В различных хранилищах их насчитывается сейчас около полутора десятков. Ранний из них относится к 1653 г. (Принстон, библиотека Университета, DER 20)[58], поздний датируется 1704 г. (Матенадаран, № 10411). Большинство кесарийских переплетов отличается поразительным сходством художественного оформления и техники выполнения. Глядя на них невольно начинаешь думать, что на протяжении нескольких десятков лет мастера Кесарии повторяли лишь несколько полюбившихся им образцов, выполнявшихся обычно по европейским моделям. На щитках, как правило, помещались надписи с указанием места и времени выполнения памятника и имени мастера[59].

мики, эмалей (кстати, армянское медное блюдо с эмалевым изображением всадника, выполненное в XIX в. в Исфагане, продавалось на аукционе фирмы Кристи в марте 1971 г.—Persian and Eslamic Works of Art. Christie's. On Manday, March 1, 1971 p. 21, № 88)

55 Симеон Лехаци, указ. соч., стр. 236. Свидетельство Симеона Лехаци подтверждал и такой авторитет в области археологии и искусства, как О. Дальтон, указывавший, что Кесария не была центром ювелирного производства (O. M. Dalton, Byzantine Art and Archaeology, New York, 1961, p. 536).

56 *Ա. Ալպոյաճյան, Պատմություն հայ կեսարիո, Բ հատոր, Գահիրե, 1937, էջ 1513—1518*; C. J. F. Dowsett, An Armenian Gold Pyx (Koyseri, A. D. 1687)—(REArm., t. VII, Paris, 1970, p. 182).

57 *Հ. Քյուրտյան, Կեսարիո ոսկերչական դպրոցին արծաթ կազմերը («Հասկ», № 1, 1948, էջ 51—61)*.

58 A. Kurdian, An Armenian Silver Binding Dated 1653 („The Princeton University Library Chronicle", vol. VII, April, 1946, № 3, p. 118—119).

59 Кроме памятников, содержащих указания на время и место исполнения, есть группа произведений, которые с Кесарией связываются по стилистическим признакам. Так, А. Кюрдян приписывал кесарийским мастерам переплет рукописи из собрания венецианских мхитаристов (№ 186) и оклад рукописи из бывшего собрания Sevadjian'a в Париже (*Հ. Քյուրտյան*, указ. соч., стр. 55, 57, рис. 11). Причем, он полагал, что последний памятник выполнил Шахбаз махдеси Григор. С. Тер-Нерсесян считает возможным отнести к этому центру переплет XVII в. рукописи 1488 г. галереи Уолтерса в Балтиморе, № 542 (S. Der Nersessian, Armenian Manuscripts in the Walters Art Gallery, Baltimore, 1973, p. 53, 54, 55, fig. 248, 249).

Выполнение кесарийских памятников отличается большим мастерством и тонким пониманием декоративных и пластических особенностей серебра. Эти изделия очень живописны: высокий рельеф, чередование западающих и выступающих частей создают богатую игру света и тени. Декоративный эффект некоторых кесарийских окладов усиливается за счет введения звучных по краскам эмалей. В большинстве произведений сцены удачно скомпонованы, тонко выбран масштаб изображений; лишь в отдельных экземплярах чувствуется некоторая перегруженность композиций многолюдством, архитектурным стаффажем.

Нам известны имена целой группы мастеров, создававших эти памятники: Шамир махдеси[60] Карапет, Малхас махдеси Карапет, Шамир махдеси Акоп, Шахбаз, Седрак и др.

Основная масса сохранившегося вещевого материала золотых и серебряных дел мастеров Кесарии относится ко второй половине XVII в. Однако дошедшие до нас отдельные образцы ювелирного искусства более позднего времени[61], как и ряд имен ювелиров[62], свидетельствуют о том, что ювелирное производство продолжало развиваться в Кесарии вплоть до начала XX столетия.

Памятники ювелирного искусства, созданные армянскими мастерами в колониях армянских переселенцев — неотъемлемая страница истории искусства и культуры Армении. В литературе справедливо отмечалось, что ювелирное искусство Польши во многом обязано своим подъемом мастерам армянам. В Стамбуле, Кесарии, Астрахани[63], в городах Молдавии[64], Сирии[65] на протяжении десятков лет армянские ювелиры играли главенствующую роль. В Каире[66], Иерусалиме[67], Ами-

---

60 «Махдеси» (арм. из араб.)—паломник, посетивший Иерусалим (наподобие «хаджи»—правоверного мусульманина, побывавшего в Мекке).

61 К примеру, серебряное навершие посоха 1729 г. из Музея истории Армении (L'art arménien de l'Ourartou a nos jours..., № 271), напрестольный крест с эмалевыми изображениями 1730 г. из того же собрания (*Մ. Ե. Կարապետյան, Հ. Վ. Սարգսյան, XVIII դ. սեղանի հայատառ զարդախոյզ (ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր», 1972, № 7, էջ 96—98)*;

62 *Ա. Այպոյան, Գաղմուածքում հայ կեսարիո..., էջ 1518*;

63 А. Юхт, Армянские ремесленники в Астрахани в первой половине XVIII в. (*ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», 1958, № 1,* стр. 37—54); А. Я. Каковкин, Из истории ювелирного искусства армян Астрахани (*«Բանբեր Երևանի համալսարանի», 1973, № 3,* стр. 286—288).

64 C. Nicolescu, Orfévrerie laïque et religieuse des pays Roumains XIVe—XIXe siécles, Bucarest, 1968, p. 383—384.

65 Т. Гольдберг, Ф. Мишуков, Н. Платонова, М. Постникова-Лосева, Русское золотое и серебряное дело XV—XX веков, М., 1967, стр. 35.

66 Симеон Лехацп (указ. соч., стр. 171), описывая свое пребывание в Каире, неоднократно отмечал, что в городе много золотых дел мастеров, большинство из них—армяне-выходцы из Стамбула, Амиды и Халеба (Алеппо). Симеон побывал в ювелирной мастерской и прожил несколько дней у армянина—старейшины цеха золотых дел мастеров города.

67 Повествуя о днях, проведенных в Иерусалиме, Симеон Лехаци (указ. соч., стр. 209—210) много места уделяет армянскому патриарху в Иерусалиме Григору Паронтеру из Татевской области, который «украсил церкви и монастыри... ризы-

де[68], Амстердаме[69], Петербурге[70], в десятках больших и малых городов Европы, Азии, Африки армянские мастера ювелирного дела создавали высокие по художественным и техническим достоинствам произведения.

Большинство памятников, созданных армянскими мастерами в колониях, отличают особенности, накопленные в результате всего предшествующего хода развития этой отрасли армянского прикладного искусства: выявление декоративных особенностей материала, высокий технический и художественный уровень исполнения, разнообразие применяемых ювелирами технических приемов.

ՈՍԿԵՐՉԱԿԱՆ ԱՐՎԵՍՏԸ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԳԱՂԹԱՎԱՅՐԵՐՈՒՄ (XV—XVII ԴԴ.)

ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ԿԱԿՈՎԿԻՆ (Լենինգրադ)

Ամփոփում

XV—XVII դդ. հայկական խոշոր գաղթավայրերում (Կաֆա, Լվով, Կ. Պոլիս, Նոր-Ջուղա, Կեսարիա) ոսկերչական արվեստը բուռն զարգացում ապրեց։ Այդ գաղթավայրերում հայ վարպետների ստեղծած հուշարձանների մեծամասնությունը աչքի է ընկնում հայկական կիրառական արվեստի զարգացման նախորդ էտապով պայմանավորված առանձնահատկություններով։ Դրանք են՝ նյութի դեկորատիվ առանձնահատկությունների վերհանում, կատարման բարձր տեխնիկական մակարդակ, ոսկերիչների կիրառած տեխնիկական հնարանքների բազմազանություն։

ми, одеяниями, светильниками и лампадами, различной золотой и серебряной утварью, а также большими, в рост человека, каднлами и крестами, превосходными книгами, большими кадилами, евангелиями в золотых переплетах, ладанницами и прочим. Я увидел там такие бесценные ризы и драгоценную утварь, каких в Польше не сыщешь».

Известно несколько серебряных переплетов рукописей, исполненных в Иерусалиме (Catalogue... Sotheby..., p. 29; pl. 17). На выставке памятников армянского искусства в Париже в 1970—71гг. выставлялся серебряный крест 1779 г. работы армян Иерусалима („L'art armenien de l'Ourartou a nos jours"..., H. C. IV).

68 У Симеона Лехацн (указ. соч., стр. 160) встречаем указание на то, что в Амиде было развито ювелирное производство.

69 Несколько серебряных переплетов армянских рукописей, выполненных в Амстердаме (1698 г., 1714 г. и др.), хранится в музее при кафедральном соборе в Эчмиадзине.

70 В 1770-х гг. в Петербурге пользовался известностью ювелир Давид Азапов, исфаганский армянин. В течение семи лет он был учеником серебряных дел мастера Петра Шлосвега (Schlossweg). В 1771 г. был подмастерьем, а с 1773 г.—мастером иностранного цеха (А. Е. Фалькерзам, Алфавитный указатель с.-петербургских золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, граверов и проч. 1714—1814. Приложение к журналу «Старые годы», СПб., 1907, стр. 59).

В Эрмитаже хранится несколько серебряных предметов второй половины XVIII в. с армянскими надписями из армянской церкви Екатерины в Петербурге.